

Придворные пиры требуют от подданных безукоризненной пунктуальности — прибывать заранее считается незыблемым правилом.

Ещё в полдень Хан Цзянсюэ начал собираться в дорогу.

Госпожа Лянь неустанно мерила шагами двор, разглядывая наряды, но ни один не казался ей подходящим:

— И с чего вдруг тебе привалило приглашение на Праздник сотни цветов? Чина у тебя пока нет, будешь среди вельмож — держись скромно, проявляй почтение... Вырос уже, а подходящего для дворца платья мы тебе так и не сшили. Пришлось доставать отцовские наряды, да только подобает ли фасон...

Она не умолкала ни на миг, однако, когда Цзянсюэ вышел к ней уже одетым, госпожа Лянь так и застыла на месте.

— Что-то не так? — Юноша оглядел свой наряд. Он редко наряжался столь пышно, и, перерыв отцовский сундук, отыскал лишь несколько наиболее строгих и солидных одеяний.

— Все мои тревоги оказались напрасными, — всплеснула руками мачеха. — Как говорится, человеку нужно платье, а богу — позолота! Стоит тебе хоть немного принарядиться, и ты затмишь любого.

Хоть госпожа Лянь видела пасынка каждый день, его благородная красота всякий раз поражала её заново.

— В дворцовых покоях встречаются люди без стыда и совести, не брезгующие ничем. Будь предельно осторожен! Что бы тебе ни шептали, ни за что не уходи ни с кем наедине!

Цзянсюэ послушно кивнул. Уж в чём-то, а в этом вопросе он перестрахуется лучше любого другого — никакой уединённости с посторонними!

В этот момент вошёл слуга с весьма странным выражением лица:

— Прибыл Тринадцатый молодой господин из дома герцога Мужества и Решимости. Говорит, приехал за молодым маркизом.

Не успела госпожа Лянь осмыслить услышанное, как Цзянсюэ кивнул и направился к выходу:

— Понял, уже иду.

— Э? Цзянсюэ! Как ты с ним сошёлся? Вы же с Тринадцатым молодым господином только недавно вздорили? Да и он... он будто бы к тебе...

Госпожа Лянь поспешила за ним, всё ещё не веря своим ушам.

— Приглашение мне передал Янь Фэйду, мы заранее условились отправиться во дворец вместе.

Войдя в главный зал, Хан Цзянсюэ увидел ожидающего его Янь Фэйду.

В последние дни юноше казалось, будто он открывает этого человека заново: тот не просто похорошел, но и обрёл удивительно притягательный характер, да и наряды на нём сидели безупречно.

Янь Фэйду окинул Цзянсюэ взглядом, воздержавшись от комментариев по поводу отцовского платья. С вежливой улыбкой он первым делом поприветствовал госпожу Лянь, а затем повернулся к юноше:

— Венец, что на тебе сейчас, слишком тяжеловесен. Государь изволил заметить, что на Празднике сотни цветов обстановка должна быть непринуждённой. У меня в экипаже есть запасная шпилька из белого нефрита — не хочешь сменить?

Цзянсюэ было всё равно, в чём идти, но утончённость Янь Фэйду его поразила. Хм... эта любовь к изысканным мелочам казалась странно знакомой.

— Матушка, я иду.

Они ушли вместе, а госпожа Лянь осталась стоять, ошеломлённо глядя им вслед.

«Ах ты паршивец! Ты же только что твердил, что ни за кем не пойдёшь, что бы тебе ни говорили!»

В экипаже Цзянсюэ сменил головной убор на нефритовую шпильку. Наряд глубокого пурпурного цвета ничуть не умалял его юной, цветущей красоты.

Юноша прислонился к оконной раме, поправляя широкие рукава; стройные ноги скрывались в складках полы, а тонкие запястья, выглядывавшие из шёлка, ослепляли белизной, подобно свежевывавшему снегу.

Ощув на себе пристальный взгляд Янь Фэйду, Цзянсюэ чинно сложил руки и прикрылся

первой попавшейся книгой.

Неизвестно, на что там уставился этот человек, но... смотреть запрещено!

— Пока ты не заводишь глупых речей про всякую любовь-морковь, мы вполне можем оставаться друзьями! — пытался звучать сурово юноша.

Янь Фэйду, подперев ладонью подбородок, тихо вздохнул:

— Как же я жалею...

Цзянсюэ в недоумении вынырнул из-за книги:

— О чём ты?

— Жалею, что не ценил то время, когда ты лип ко мне день и ночь, требовал вместе обедать, обнимал, ластился и укладывался спать под одно одеяло, — снова вздохнул Фэйду с самым сокрушённым видом.

Да, теперь он горько раскаивался.

«Ты в каком бреду это увидел?!» — опешил Цзянсюэ.

— Враньё! Я никогда ни к кому не лип! — вспыхнул юноша, хотя щёки его налились нежным румянцем.

— Ты мне даже «чмок» делал, — Янь Фэйду поднёс палец к своему подбородку.

Цзянсюэ уставился на его подбородок. Лицо у спутника было бесовски хорошо́, с точёными линиями и благородными чертами, но... какой ещё «чмок»?!

В голове у Цзянсюэ всё смешалось. Глядя на непринуждённо-серьёзную мину Фэйду, он почти готов был поверить!

— Не было такого! Никаких «чмоков» я тебе не раздавал!

«Демоны и люди идут разными путями, а я — демон высокой морали, я бы не стал распускать руки!»

Опустив книгу, Цзянсюэ сурово — как ему казалось — подумал: если этот бесстыдник

продолжит нести подобную ахинею, он... он заставит его отсечь на противоположную скамью!

Янь Фэйду изогнул бровь:

— А ты знаешь, что значит «чмок»?

— А то нет! — буркнул Цзянсюэ с таким видом, будто это элементарные вещи. — Поцелуйчик, и всё тут!

Янь Фэйду переплёл пальцы и вальяжно откинулся на стенку экипажа:

— Вот как... Однако обычные люди этого слова не знают. Откуда же оно известно тебе?

Цзянсюэ замер. Слово и впрямь не назовёшь обиходным, в его окружении никто так не выражался.

В сознании, словно лёгчайшие семена одуванчика, проплыли невесомые пушинки, и в каждой таился фрагмент уснувших воспоминаний. Но стоит только протянуть руку, чтобы ухватить суть — и порыв ветра тут же развеивал их без следа.

— Приехали.

Экипаж остановился. Цзянсюэ даже не заметил, сколько времени провитал в облаках; Янь Фэйду не стал окликать его, подав голос лишь у самых ворот.

Ступив на землю, юноша всё ещё задавался вопросом: «Неужели я и впрямь потерял память?»

Но стоило ему поднять взгляд на Янь Фэйду, как слова застряли у него в горле.

Одетый в бирюзовые одеяния учёного, тот непринуждённо обменивался чинными приветствиями с проходившими вельможами. На его губах играла едва заметная улыбка. Перед умудрёнными опытом сановниками он не склонял головы, но и от мелких чиновников не требовал излишних изъявлений почтения.

Безупречная вежливость — самое приятное из проявлений учтивости и одновременно самое холодное отстранение.

— Неужто это молодой маркиз? — шептались вокруг.

Цзянсюэ стоял среди дворцовой суеты, и никто не мог пройти мимо, не обратив на него внимания.

Он старался соблюдать дворцовый этикет, раскланиваясь в ответ. Едва овладевало лёгкое замешательство, Янь Фэйду парой изящных фраз избавлял его от навязчивого внимания со стороны.

По дворцовым аллеям передвигались исключительно пешком. По широкой галерее впереди шествовали евнухи с фонарями, за ними чинно следовали сановники, а Цзянсюэ с Фэйду замыкали шествие, не торопясь ступая по плитам.

Убедившись, что поблизости никого нет, Цзянсюэ тихо произнёс:

— У дворцовых ворот ты выглядел странно. Ты обычно совсем не так улыбаешься. Это было на тебя непохоже.

Янь Фэйду слегка изумился и переспросил:

— Не так?

Цзянсюэ тут же ткнул пальцем в уголок его губ:

— Вот именно так! Наигранно!

Юноша чуть приподнял края губ, придав взгляду холодное выражение, и с удивительной точностью скопировал мину спутника.

— А вот когда ты делаешь так — улыбка настоящая, — Цзянсюэ тихонько вздохнул, подражая вздоху Фэйду. — И так — тоже настоящая.

А затем, под яркими лучами полуденного солнца, на лице юноши расцвела бесконечно тёплая, ласковая улыбка, озарившая и взгляд, и губы:

— И вот эта — тоже искренняя.

Цзянсюэ пожал плечами, сияя от гордости за то, что разгадал чужой секрет:

— Даже если ты забросишь всю эту вежливость, ничем плохим это не закончится. По крайней мере, мне ты нравишься любым.

Янь Фэйду на мгновение лишился дара речи. Его кадык судорожно дёрнулся, и он едва слышно, но от чистого сердца прошептал:

— ...Пощади меня.

Запрещать другим любить себя — и одновременно заставлять влюбляться всё сильнее.

В человеческой страсти сперва пленяет облик, затем — нежность, но окончательно и бесповоротно сердце тонет лишь в полном понимании.

Согласно табели о рангах, на Празднике сотни цветов Янь Фэйду не полагалось сидеть подле Хан Цзянсюэ.

Однако безупречные манеры, мягкий тон и молва о его «пылкой и безответной страсти» сыграли свою роль: учёный без труда добился разрешения расположиться рядом с молодым маркизом.

С самого начала пиршества Цзянсюэ не сводил глаз с неба.

И пока он вглядывался в вышину, остальные гости не спускали глаз с него самого.

Праздник сотни цветов, оправдывая своё название, был призван славить красоту природы. Столы ломились от пышных букетов: здесь красовались пионы и магнолии, распустившиеся по сезону, а также редкие бутоны, доставленные из оранжерей и глубоких горных ущелий.

Но даже самые изысканные лепестки меркли перед юношей, восседавшим среди этого благоухания.

Когда прибыл Государь, лишь своевременный толчок Янь Фэйду заставил Цзянсюэ оторваться от небес.

— Что ты там высматриваешь? — вполголоса поинтересовался Фэйду.

— Ищу матушку...

Со стороны подобная фраза показалась бы дикостью — с чего бы искать матушку в небесных высях? Но Янь Фэйду отозвался с полнейшим спокойствием:

— Вот как. Разглядишь — дай знать.

Если Цзянсюэ сумеет уловить демоническую ауру своей матери, это сбережёт немало сил: распознавать её с помощью заклинаний намного дольше. В конце концов, проявление Беспредельного Облика Взаимного Рождения изменчиво, и то, что предстаёт взору, далеко не всегда истинно.

— А тебе-то зачем? — буркнул Цзянсюэ.

Фэйду ответил с невозмутимой серьёзностью:

— Зачем? Засвидетельствовать почтение теще.

«Что за глупости он несёт?!»

У Цзянсюэ даже зубы зачесались от досады — так хотелось впиться в щёку этого дерзкого типа!

Заметив смущение и гнев юноши, Фэйду тихо ухмыльнулся:

— Молчу-молчу, договор?

Пока они перешёптывались, Император с возвышения произнёс традиционные благожелательные речи в духе «радуемся миру и продолжим веселье».

Сидевший среди гостей Второй принц с самого появления Хан Цзянсюэ пребывал в полном оцепенении, заворожённый его видом.

«Может, он тоже рад меня видеть?» — тешил себя надеждой принц.

Стоявший подле евнух мысленно вздохнул: «Очевидно, вовсе нет».

Прочистив горло, Второй принц сжал в руке кубок, намереваясь подойти к Цзянсюэ и подсыпать снадобье, но тут на пиру затеяли забаву.

Цветок пиона передавали по кругу. На чьём столе он останавливался, тот и держал ответ: учёные мужи слагали стихи, а сановники военного сословия выходили с мечом.

И надо же было цветку опуститься аккурат перед Хан Цзянсюэ!

Юноша как раз пытался уловить всплески демонической энергии в дворцовом комплексе — нить постоянно обрывалась, но ему удалось определить направление: юго-восток.

Увидев пион на столе, молодой евнух с поклоном приблизился, приглашая юношу проявить себя.

Цзянсюэ, не сильный в изящной словесности, просто взял с подноса деревянный меч:

— Книжным наукам я не обучен, так что не обессудьте — покажу упражнение с мечом.

Гости дружно закивали. Взор прекрасного юноши с оружием в руках обещал быть куда увлекательнее скучного декламирования стихов!

— Не позволите ли мне присоединиться? — Янь Фэйду поднялся с места, указывая на пышный бутон. — Строго говоря, бутон упал ко мне, а к Цзянсюэ его занесло порывом ветра.

Присутствующие сперва усомнились, владеет ли учёный мечом, а затем опешили от непринуждённого «Цзянсюэ» — похоже, слухи об их особых отношениях возникли не на пустом месте!

Цзянсюэ и сам удивился порыву спутника. Лишь Фэйду знал истинную причину: сидевший напротив Второй принц при виде меча расцвёл в улыбке и уже вознамерился выскочить в круг.

Янь Фэйду понимал, что все обитатели иллюзорного мира Беспредельного Облика Взаимного Рождения пленены собственным «эго» и страдают от своей слепой одержимости. Второй принц был лишь марионеткой собственных нездоровых желаний, толкавших его на безумства. Понимать-то Фэйду понимал, но допускать этого вовсе не намеревался.

Зазвучали струны цитры, и едва первый аккорд поднял танцоров, как сановники, рассчитывавшие лишь полюбоваться юной красотой, подтянулись и замерли.

Меч — оружие убийства. И сколько бы драгоценностей ни украшало эфес, какую бы шелковую вязь ни крепили к рукояти, смертоносную суть не скрыть.

В руках у Цзянсюэ и Фэйду находились простые учебные клинки из дерева, лишённые украшений. Но с первым же выпадом свист воздуха взрезал тишину, по чашам гостей пошла мелкая рябь, а само небо, казалось, раскололось от невидимого рассекающего удара!

Выпады, рубящие взмахи, подсечки и отводы — у каждого мастера и каждой школы своя техника, свой неповторимый почерк.

Однако Цзянсюэ и Фэйду двигались точно отражения в зеркале: первый выпад, второй, скрещивание клинков — их движения полностью совпадали.

Цзянсюэ поначалу изумился, но вскоре с головой погрузился в этот слитный, естественный, точно дыхание, ритм боя.

Юноша в пурпуре и господин в алом стояли на синеватых плитах двора. Под ярким небесным светом сплетались их тени, смешивались пряди смоляных волос, скрещивались деревянные мечи. Их танец был подобен туману, морозящему дождю, зыбкому сновидению. Музыкант за цитрой всё сильнее замедлял темп, желая лишь одного — продлить это мгновение и не

спугнуть завораживающее волшебство.

Второй принц, наблюдая за ними, багровел от злости и скрежетал зубами:

— Это ещё что за безобразие?! Они что, демонстрируют тут мечи пылких взоров?!

Стоявший рядом евнух мысленно почесал затылок: «Надо же, Ваше Высочество, а вы на сей раз попали в самую точку...»

Когда танец завершился, сорвавшийся с ветви лепесток медленно поплыл по воздуху. Цзянсюэ лёгким движением подставил клинок, и лепесток застыл на самом кончике.

Придворные рукоплескали, да и Сам Государь остался в полном восторге:

— Превосходно! Цзянсюэ, хоть ты и юн, твоё искусство владения мечом поразительно! Мне как раз не хватает способных людей — в скором времени я издам указ о твоём назначении в Императорскую гвардию Юйлинь! Да и Фэйду превзошёл все ожидания. Неужто Цзянсюэ обучил тебя этой технике?

Янь Фэйду поклонился, сложив руки:

— Именно так, Ваше Величество.

Цзянсюэ порывался возразить, но Фэйду бросил на него короткий взгляд и едва заметно качнул головой.

Вернувшись на место, Цзянсюэ прошептал:

— Откуда ты знаешь мои приёмы?

Янь Фэйду тихо ответил вопросом на вопрос:

— А откуда тебе известны мои?

Юноша застыл. Верно... а откуда он сам выучил эту технику? В его памяти не осталось ни единого воспоминания на этот счёт.

Одухотворённые редким зрелищем вельможи наперебой подходили к их столу с кубками.

Вдруг плотную толпу раздвинула туша Второго принца. Нависнув над столом Цзянсюэ, он

держал на весу кувшин и расплывался в перекошенной улыбке:

— Цзянсюэ! Твой танец с мечом великолепен! Я обязан осушить с тобой кубок!

Предлог был безупречен: не желая демонстрировать неуважение к остальным гостям, отклонить жест принца юноша не мог.

Но...

Глядя, как руки принца ходят ходуном, а с мертвенно-бледного лица капает пот, Цзянсюэ не удержался от вопроса:

— Ваше Высочество, вам не поздоровилось?

Принц попытался налить вина, но большая часть пролилась мимо кубка на скатерть:

— Ерунда! Врождённая... д-д-дрожь! Пей давай!

Цзянсюэ не торопился касаться кубка. Даже если бы он был глупее некуда, и то заподозрил бы неладное!

— Не желает ли Ваше Высочество испить первым? — с осторожностью предложил Цзянсюэ.

— Ты что ж, гнушаешься моим угощением?! — Принц свирепо сдвинул брови, скопировав мину кабацкого задиры, пристававшего к уличной певичке.

— Вовсе нет, но напиток столь хорош, что поднять кубок первым полагается столь высокому гостю!

Цзянсюэ стоял на своём.

Наблюдавший за этими пререканиями евнух вздохнул про себя: «В народе говорят "петухи перед дракой перья дерут" — вот уж точно про этих двоих».

— Ваше Высочество, должно быть, хмелен? — попытался перевести тему Цзянсюэ, обращаясь к слуге.

Бедный евнух не знал, куда девать глаза. Второй принц сподобился на пакость, да сам же так струсил, что его подвох был шит белыми нитками!

— Ничего я не хмелен! — выкрикнул принц и, потеряв остатки терпения, ринулся насильно влить зелье юноше в рот.

Однако его запястье тут же перехватила чужая рука.

Хватка казалась невесомой, пальцы едва касались кожи, но принц застыл как вкопанный, не в силах шевельнуться.

Изящные, точёные пальцы аккуратно извлекли кубок из дрожащей руки принца. Янь Фэйду повертел сосуд и ровно произнёс:

— Цзянсюэ уже хмелен. Позвольте мне осушить этот кубок вместо него.

Но едва Фэйду поднёс чашу к губам, Цзянсюэ перехватил его руку и шепнул на ухо:

— Не надо за меня пить! Я незаметно вылью всё в рукав. А ты у нас со слабым здоровьем — мало ли какую дрянь туда подмешали, не пей что попало!

Янь Фэйду молча задумался: «За заботу спасибо, но почему от твоих слов остаётся такой странный осадок?»

Цзянсюэ якобы осушил кубок до дна, и Второй принц, абсолютно довольный собой, удалился.

На самом деле юноша лишь прикоснулся губами к краю, а остальное незаметно выплеснул в ширь рукава.

Евнух посмотрел на молодого маркиза с глубоким сочувствием: «Эх, молодой маркиз, хитрость твоя хороша, да только Чудодейственное снадобье Сыпу даже от лёгкого касания к губам силу проявляет! Экое греховодничество...»

Отлучка по нужде — безотказный способ покинуть любое собрание.

Посидев ещё немного, Цзянсюэ почувствовал, как по телу разливается странный жар, однако списал всё на усталость после фехтования.

В этот момент в воздухе вновь блеснула едва заметная белая нить. Юноша тут же окликнул слугу:

— Мне нужно выйти.

Евнух склонил голову и пошёл впереди, показывая дорогу, а Янь Фэйду без лишних слов проследовал за ними.

Оказавшись подле уборных, слуга удалился.

Едва тот скрылся из виду, Янь Фэйду спросил:

— Ну что? Где твоя матушка?

Однако, повернувшись к юноше, он оборвал речь на полуслове. Щёки Цзянсюэ пылали хмельным румянцем, а взгляд затуманился, словно от глубокого опьянения.

Фэйду мгновенно понял — снадобье оказалось куда ядрёнее, чем предполагалось.

— Не бойся, сейчас я выведу яд из твоих каналов...

Но не успел он применить магию, как юноша вцепился пальцами в его расшитый узорами рукав.

Тонкие, точно лепестки магнолии, пальцы сжали алый шёлк — зрелище не менее изысканное, чем тонкая кисть, сжимающая бутон пиона.

—...У меня что, жар начался? — пролепетал юноша.

Он снизу вверх воззрился на Янь Фэйду; в его голосе слышалась досада, но ещё больше — невольная, капризная ласка.

<http://bllate.org/book/20471/2167360>